

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

УДК 821.161.1

В. И. Мельник

<https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

Становление религиозного сознания Н. А. Некрасова

Для цитирования: Мельник В. И. Становление религиозного сознания Н. А. Некрасова // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 8–16. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-8-16

Проблема религиозности Н. А. Некрасова пока еще мало изучена, в особенности ее биографический аспект. Что касается источников его сведений о догматике православия, то в своих поэтических текстах Некрасов выказывает, при внимательном изучении, заметную осведомленность в духовных вопросах, как их решает церковь и Святые Отцы Церкви. Поэт питает интерес к православной агиографии. Источником его сведений, прежде всего, могло быть так называемое народное православие. Остается открытым вопрос о становлении религиозности Некрасова в раннем возрасте, о своеобразии его духовной настроенности. В настоящей статье сделана попытка, с одной стороны, представить доступную для нас сегодня по отдельным отрывочным сведениям полноту картины религиозной жизни семьи Некрасовых, а с другой – уяснить роль его матери, Елены Александровны, а также сопутствующих факторов, повлиявших на первичную организацию его религиозных устремлений. Высказываются соображения о неразрывности религиозного и общего романтического настроения его мирозерцания, унаследованного, на наш взгляд, именно от матери поэта. Нет сомнений, что высокий гражданский пафос поэзии Некрасова, получивший завершенность под влиянием революционно-демократического окружения поэта, складывался на уже подготовленной в детстве основе «святого», религиозно-романтического мировоззрения и восприятия жизни как служения слабым и обездоленным – в чем главную роль играла мать Некрасова. Протестный пафос поэзии Некрасова в этом свете приобретает нетрадиционный смысл, поскольку субъективно, в сознании самого поэта, прямо вырастает из идеалов Евангелия.

Ключевые слова: Некрасов, творчество, воспитание, религиозная среда, влияние матери, романтизм, «святое служение».

PHILOLOGY

Russian literature

V. I. Melnik

The development of N. A. Nekrasov's religious consciousness

The problem of N. A. Nekrasov's religiosity, especially its biographical aspect, has not been studied well. As for the sources of information about the dogma of Orthodoxy, in his poetic texts Nekrasov shows considerable awareness of spiritual issues, as they are addressed by the church and the Holy Fathers of the Church. The poet is interested in Orthodox hagiography. His source of information could be, first of all, the so-called popular Orthodoxy. The question remains open about the formation of Nekrasov's religiosity at an early age, about the nature of his spiritual disposition. This article attempts, on the one hand, to present a complete picture of the religious life of the Nekrasov family, which is currently available to us from isolated fragments, and, on the other, to understand the role of his mother, Elena Alexandrovna, as well as the accompanying factors that influenced the primary organization of his religious aspirations. The author suggests that the religious and general romantic mood of the poet's worldview, inherited from his mother are inseparable. There is no doubt that the high civic pathos of Nekrasov's poetry, developed under the influence of the poet's revolutionary democratic environment, was formed on the childhood basis of a «holy», romantic religious outlook and the perception of life as care for the weak and disadvantaged – in which the main role was played by Nekrasov's mother. The protest pathos of Nekrasov's poetry acquires an unconventional meaning because subjectively, in the poet's own mind, it grows directly out of the ideals of the Gospel.

Key words: Nekrasov, creativity, education, religious environment, mother's influence, romanticism, «holy service».

Постановка проблемы и ее актуальность

Религиозное сознание Н. А. Некрасова до сих пор является проблемой. Поскольку в его поэзии порою встречаются храмы, монастыри, странники и пр., то в некоторой степени поднят вопрос о религиозных мотивах и образах в его творчестве [Ширяев; Смирнов; Кусков; Мостовская; Жиликова]. Что касается собственно религиозной настроенности Некрасова, своеобразия его религиозности, то можно отметить несколько попыток определить это своеобразие. Первым следует назвать Д. С. Мережковского, который в статье «Две тайны русской поэзии» писал: «Что русская совесть есть явление порядка не только нравственного, но и религиозного, – это мы уже начинаем понимать. У Некрасова этого понимания вовсе не было. Его религиозный уровень, по крайней мере, сознательный, – тот же, что у всех русских людей среднего интеллигентского сознания. Если бы кто-нибудь из литературных единомышленников – Белинский, Добролюбов, Чернышевский – спросил его, верит ли он в Бога, то нет никакого сомнения, что Некрасов удивился бы и даже обиделся: за кого его считают?» [Мережковский, 1991].

В свое время мы попытались выявить, почему Некрасова зачисляли в атеисты [Покровский; Горячина; Шамориков], и определить своеобразие религиозности Некрасова. Очевидно, что поэт переживал сложный религиозный комплекс, основанный, с одной стороны, на любви к народу и отличном знании народной жизни, нашедшей отражение в устном народном творчестве, народных идеалов, в том числе и религиозных, а с другой – на личном представлении о праведности революционного бунта и необходимости нравственной аскезы и покаяния. Вчитываясь в некрасовские строки, легко увидеть, что бунтарские, революционные по духу стихи странно и, на первый взгляд, органично вырастают из... Евангелия, из глубоко христианских признаний, из несомненно православного мировоззрения поэта.

Однако Некрасов был сыном своей эпохи. В то время у многих выдающихся деятелей культуры причудливым образом соединялись вера в Христа и ... революция. Правда, зародилось такое мировоззрение гораздо раньше. В истории христианства не раз уже возникали учения, превращающие Иисуса Христа в «революционера», а Евангелие в религиозно-революционную доктрину, дающую народу «право на восстание». Уже в средние века

появились различные ереси, такие, например, как «евангельский коммунизм» Дольчино и его «апостольских братьев», которые призывали в Италии к «священной войне» народа против церкви и государства. В XV в. появились гуситы и табориты, которые «во имя библейских заповедей» развязали в 1419–1434 гг. религиозные войны в центре Европы. В XVI в. в Германии анабаптисты и Томас Мюнцер выступали с проповедью религиозно-политической революции и «священной войны», опираясь на библейские и евангельские тексты. Мюнцер неустанно призывал к беспощадному истреблению «врагов Божьих» как к исполнению заповедей Христовых: «Христос повелел многозначительно: „и приведите моих врагов и избежите их передо мной”. Почему? А потому, что они вредили Христову правлению», – писал он в своих проповедях [Шафаревич, 2003, с. 75].

В. Г. Белинский, который заметно повлиял на мировоззрение молодого Некрасова, в знаменитом письме к Н. В. Гоголю изобразил Христа первым социалистом-революционером: «Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения». И. А. Гончаров в «Заметках о личности Белинского» писал о критике: «Наконец у него были постоянные увлечения или влечения, плоды не одной только фантазии или напряженной работы непрерывного умственного развития: они составляли основу его честной и прямой натуры: это влечения к идеалам свободы, правды, добра, человечности, причем он нередко ссылаясь на Евангелие, – и не помню где, – даже печатно» [Гончаров, т. 8, с. 43]. Н. И. Пруцков в свое время правильно замечал: «Не следует забывать, что только пролетарская революция впервые в истории человечества... сбросила с себя всяческие религиозные одежды. До этого же народные движения, революционеры, даже первые рабочие организации... обращались к образу Христа и к его учению» [Пруцков, 1979]. Характерно замечание и другого исследователя: «В России... освободительные идеи облекались в форму первоначально-христианских, и так не только в народе и у его идеологов... даже идеи Герцена и Огарева в 40-х годах XIX века еще содержат немалую долю социальных и этических представлений раннего христианства и даже обращений к «нагорной проповеди»...» [Клибанов, 1978].

Исследовательская часть

Некрасов в своих стихах постоянно проводит незримую параллель между земной судьбой Христа и... судьбой революционеров. Ведь прочность дела Христа-Спасителя была невозможна без Его спасительной Крови, пролитой за человеческий род на Кресте. Поэт апеллирует к жертве Христа, считая, что отдать жизнь «за други своя» (за слабого, бедного) – дело богоугодное. В стихотворении «Поэт и гражданин» он пишет о святой жертвенности:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди, и гини безупречно.
Умрешь не даром, дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

Очевидно, что Некрасов прибегает здесь к параллели «дело» – «святой алтарь», обыгрывая фразеологизм: «положить жизнь на алтарь Отечества». То есть поэт знал, что алтарь освящается на мощах святых. Алтарь, если под ним нет мощей (не «струится кровь» святых), «непрочен».

Склонностью к таким параллелям отличался в то время не только Некрасов. Хотя между ним и другими его современниками, как потом будет ясно, была громадная разница: если они были чаще всего атеистами и выстраивали «безбожную религиозность», то Некрасов был искренне верующим человеком, неотделимо связанным в своей вере со всем русским народом.

Другие же революционно настроенные писатели были чаще всего далеки от веры предков. Характерен здесь пример А. И. Герцена. Недаром С. Франк назвал Герцена «основоположником житий революционных святых». В этом сказалось господствующее в среде интеллигенции XIX в. представление о святости... вне Христа, напоминающее «языческую античную философию стоиков» [Кириченко, 2003].

В свое время мы посвятили вопросу о религиозности Некрасова ряд статей [Мельник, 1999; Мельник, 2001; Мельник, 2006; Мельник, 2008; Мельник, 2018] и монографию [Мельник, 2007], в которых затрагивалось, прежде всего, позднее творчество поэта. Тем не менее, тема далеко не исчерпана, особенно в биографическом плане. Некрасов хотя и был много лет издателем, редактором ведущих русских журналов, был в известном смысле человеком некнижным. Он обладал недюжинной памятью и практической сметкой и хваткой. Дневников не вел, «литературных писем» не писал, хотя обладал необыкновенной кри-

тической зоркостью, был страстным охотником и даже картежником. Среди других русских писателей-современников он выделяется своей как бы «нелитературностью». Речь идет о том, что весьма редко удается определить литературные и, в особенности, жизненные истоки его творчества. Очень многое остается «за кадром», высказывается предположительно. В этом отношении академическое собрание сочинений Некрасова мало удовлетворяет взыскательного читателя. Особая робость была проявлена в тех случаях, когда речь заходила о религиозной стороне жизни и творчества Некрасова: комментаторы явно старались обходить такие сюжеты молчанием.

Особенно отличается этим первый том, в котором представлена ранняя лирика поэта. Стандартный комментарий к стихотворениям, включенным в первый сборник стихотворений Некрасова под названием «Мечты и звуки» (1839), состоит из указания места и времени публикации и цитации нескольких слов критики, если она имела. Совершенно проигнорирован тот факт, что в «Мечтах и звуках» шестнадцатилетний Некрасов предстает как религиозный, а отчасти и богословствующий поэт, что является самой характерной, организующей особенностью этого сборника. Нет вопроса об истоках религиозности поэта.

Анализ поздних произведений Некрасова показывает, что он неплохо знал житийную литературу, ориентировался в догматах и пр. Но вопрос о его духовном опыте и источниках чтения остается открытым. Известно, что духовную закваску человек получает в детстве, в семье, хотя исследовать это в буквальном смысле, особенно в случае с Некрасовым, практически невозможно. Необходимо по крупицам собирать информацию, сопоставлять факты и прочее. Между тем, вопрос даже не поставлен.

Начать следует с отца Некрасова, который хотя и веровал в Бога, посещал храм, но, по признанию самого поэта, обладал грубым, необузданным характером, проистекающим из «наследственных нравов»:

Твой властелин – наследственные нравы
То покидал, то бурно проявлял,
Но если он в безумные забавы
В недобрый час детей не посвящал,
Но если он разнузданной свободы
До роковой черты не доводил, –
На страже ты над ним стояла годы,
Покуда мрак в душе его царил...

О духовной жизни Алексея Некрасова почти

ничего не известно. По утверждению грешневского старосты Э. Торчина, он не любил общаться со священниками, хотя в церковные праздники принимал их дома, угощал и давал денег. Торчин вспоминал: «Алексей Сергеевич на могилу жены никогда не ходил, в церкви тоже никогда не был – не любил молиться и не выносил попов, хотя в праздники принимал их, поил водкой и давал денег. На могиле матери памятник делали по желанию Анны Алексеевны (сестры поэта – В. М.)... Когда памятник был окончен, то по желанию Анны Алексеевны была отслужена панихида на могиле и в церкви, о которой послали сказать Алексею Сергеевичу; он приехал и очень недовольный стоял в церкви, что долго служат, а после уже никогда не был, никого не посылал и не спрашивал о могиле» [Красильников, 2009, с. 14]. Всеми этому был свидетель маленький Николай. Известна довольно большая переписка Алексея Сергеевича со священниками, которых помещик просил обвенчать своих крестьян. Например, отцу Иоанну Зыкову он писал: «Отец Иоанн! Прошу Вас сочетать браком крестьянина моего сельца Грешнева Александра Павлова с крестьянскою девицею деревни Гоголино Раидою Степановою по их на брак согласию. Затем имею честь быть к Вам с должным почтением и преданностью. Ваш покорный слуга, Алексей Сергеев Некрасов.

Января 12 дня 1859 года. Г<ород> Ярославль» [Красильников, 2006, с. 76].

Десятки таких писем Сергей Александрович написал не только к отцу Иоанну, но и к отцу Василию Горскому, отцу Стефану Чекалеву [Красильников, 2006, с. 74–81].

Помогая священникам, отец Некрасова, вероятно, готов был помочь и в ремонте храма. В стихотворении «Детство» (1873) поэт пишет, что прохуdivшаяся церковь стала «горем отцовским», что вносит новую краску в облик Алексея Сергеевича:

В первые годы младенчества
Помню я церковь убогую,
Стены ее деревянные,
Крышу неровную, серую,
Мохом зеленым поросшую.
Помню я горе отцовское:
Толки его с прихожанами,
Что угрожает обрушиться
Старое, ветхое здание.
Часто они совещались,
Как обновить отслужившую
Бедную церковь приходскую;
Поговорив, расходились,
Храм окружали подпорками,

И продолжалось служение.
В ветхую церковь бестрепетно
В праздники шли православные, –
Шли старики престарелые,
Шли малолетки беспечные,
Бабы с грудными младенцами.
В ней причащались, венчались,
В ней отпевали покойников...

Некрасов нигде не пишет, кто повлиял на становление его духовного облика и на то глубокое и тонкое понимание религии, которое он выказывает в своем творчестве. Однако очевидно, что здесь прежде всего следует вспомнить о его матери, женщине утонченной и жившей по евангельским заветам.

Неизвестны точно дата ее рождения (наиболее вероятная дата – 1803 год) и даже имя. В некоторых документах она именуется Еленой, в других – Александрой. Возможно, это связано с переходом ее из католичества в православие. Некрасов писал о своей матери, но, к сожалению, ни разу не упомянул ее имени. В связи с этим в литературе давно стоит вопрос и о ее национальности. Возможно, она была украинкой из Винницкого уезда Подольской губернии, где сильны были позиции католичества и польской культуры. С. В. Смирнов пишет: «Думается, что принадлежность в девичестве к католичеству не указывает на польское происхождение матери поэта. Её католичество – плоды „тщательного“ воспитания у иезуитов её отца, дань польско-католическому влиянию в крае, где элементам польско-католической культуры придавалось значение престижности, принадлежности к местной верхушке» [Смирнов, 1991, с. 176]. Документы свидетельствуют о том, что она была дочерью титулярного советника Андрея Семеновича Закревского. С другой стороны, существует версия чисто польского происхождения матери Некрасова (эта версия легла в основу поэмы «Мать»). По этой версии, в католичестве она была Александрой и родилась в Варшаве, в семье польского аристократа Закревского.

Обычно вопрос о религиозности Елены Андреевны обходится исследователями, поскольку никаких документальных данных на этот счет не существует. Однако достаточно вспомнить несколько строк Некрасова, чтобы понять, что самим своим жизненным поведением мать глубоко влияла на него. В поэме «Рыцарь на час» есть строки:

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!

Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
Простояла ты, – грудью своей
Защищая любимых детей.
И гроза над тобой разразилась!
Ты, не дрогнув, удар приняла,
За врагов, умирая, молилася,
На детей милость Бога звала.
Неужели за годы страдания
Тот, кто столько тобою был чтим,
Не пошлет тебе радость свидания
С погибающим сыном твоим?..

В этих строках видна не только горячая сыновья любовь, но и духовный строй жизни Елены Андреевны, бывшей самым ясным примером евангельского отношения к жизни для своих детей. Значение матери для Некрасова было столь огромно, что его не с чем сравнить. Ф. М. Достоевский после кончины Некрасова вспоминал: «Он говорил мне тогда со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме, о своей матери – и то, как говорил он о своей матери, та сила умиления, с которою он вспоминал о ней, рождали уже и тогда предчувствие, что если будет что-нибудь святое в его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маяком, путевой звездой даже в самые темные и роковые мгновения судьбы его, то уж, конечно, лишь одно это первоначальное детское впечатление детских слез, детских рыданий вместе, обнявшись, где-нибудь украдкой, чтоб не видали (как рассказывал он мне), с мученицей матерью, с существом, столь любившем его. Я думаю, что ни одна потом привязанность в жизни его не могла бы так же, как эта, повлиять и властительно подействовать на его волю...» [Достоевский, т. 26, с. 111–112].

Некрасов боготворил свою мать, в образе которой сливалось для него все то светлое и душевно теплое, что согревало его детство, противостояло суровым будням отцовского дома, окружающей темноте и невежеству. Н. Н. Скатов очень точно воспринял религиозное наполнение образа Матери в одном из поздних стихотворений поэта: «В поэзии Некрасова мать – безусловное, абсолютное начало жизни, воплощенная норма и идеал ее. В этом смысле мать есть главный „положительный“ герой некрасовской поэзии. А в одном из последних уже почти предсмертных стихотворений „Баюшки-баю“ само обращение к матери оказывается чуть ли не обращением к матери Бо-

жьей» [Скатов, 1994, с. 26]. В самом деле, лишь Божия Матерь может сказать:

Прими трудов венец желанный,
Уж ты не раб – ты царь венчанный;
Ничто не властно над тобой!
.....
Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...

Мать Некрасова самой своей личностью дала эмоциональное и духовное направление поэзии Некрасова, ее роль трудно определить точнее и еще более трудно переоценить, ибо она сделала главное, о чем поэт сказал: «Во мне спасла живую душу ты» («Мать»). Стихи о матери всегда сопровождают мысль о ее святости. Так, в поэме «Мать» Некрасов говорит о ее «святых муках», то есть считает ее мученицей Христа ради, а далее называет ее «подвижницей» [Некрасов, т. 4, с. 252].

Очевидно, что именно мать учила маленького Некрасова молиться и веровать, именно она привила ему «детски чистое чувство веры», о котором он пишет в поэме «Тишина»:

Храм Божий на горе мелькнул
И детски-чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул...

Похоже, что религиозность матери в глазах Некрасова сливалась с ее возвышенным, романтическим мироотношением вообще – и эту неразрывность веры и романтического настроения души он усвоил в полной мере.

Недалеко от дома, на противоположном берегу Волги, находился Николо-Бабаевский монастырь, который неоднократно посещал Некрасов и который упомянут им в стихотворении «Горе старого Наума»: «Вблизи – Бабайский монастырь, село Большие Соли...». Официальный документ дает следующее описание: «Николо-Бабаевский монастырь находится в Костромском уезде, в 38 верст [ах] от Костромы и 28 от Ярославля. Местоположение его весьма красивое; он стоит на правом, возвышенном берегу реки Волги, при самом впадении в нее р [еки] Солоницы. Особенно красивый вид придает монастырю находящаяся на южной стороне его роща, состоящая из березовых, ореховых и осиновых деревьев. Лучший вид на монастырь с юго-западной стороны, от р [еки] Волги; с левого берега ее виден монастырь с дальнего расстояния, особенно в весенний разлив Волги,

когда вода почти доходит до самых стен монастырской ограды, все здания его представляются как будто стоящими в воде или на острове» [Крживоблоцкий, 1861, с. 465]. Современный исследователь пишет: «Не подлежит сомнению, что родители Некрасова со своими детьми ездили по праздникам за Волгу в Николо-Бабаевский монастырь, позднее воспетый поэтом в стихотворении „На Волге“...» [Некрасов и Костромской край, 2008, с. 19].

Грешнево – сельцо небольшое, поэтому своей церкви здесь не было. В стороне от дороги находилась церковь села Абакумцево. Некрасовы, живя в Грешневе, по воскресеньям и церковным праздникам ходили в село Абакумцево, так как числились прихожанами Благовещенской церкви, выстроенной в Абакумцево в 1791 году. Фотография этой церкви помещена в одном из выпусков сборника «Карабиха» [Карабиха, 1991]. В то же время нельзя не отметить, что в различных источниках этот храм называют то Благовещенским (во имя Благовещения Пресвятой Богородицы), то св. ап. Петра и Павла. Судя по стихотворению «Рыцарь на час» («Вижу надписи вдоль по карнизу // И апостола Павла с мечом»), Некрасов посещал храм во имя св. апостолов Петра и Павла. Но еще более вероятно то, что храм мог быть двухпрестольным – один престол во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, другой – во имя св. апостолов.

Идти было недалеко – от Грешнева до Абакумцево всего три версты. Любопытно, что в своих автобиографических заметках Некрасов вспомнил эту церковь в очень характерном контексте: «...Грешневцы теперь сравнительно процветают, пользуясь даже яблоками покинутого сада, которых обыкновенно в начале августа уже нет и следа. Кушайте их на здоровье, беловолосые ребятишки, бегайте в нем сколько душе угодно и, когда вырастете, поставьте в нем икону, а то теперешняя при сельском приходе слишком далека» [Некрасов, 1949, с. 140]. С Благовещенской церковью села Абакумцево у Некрасова было многое связано. Возле храма в фамильном склепе был похоронен не только дед поэта – Сергей Алексеевич Некрасов (его могила сохранялась до XX века) но и его отец, дядюшки, братья [Некрасов и Костромской край, 2008, с. 10]. Этот храм описывается в стихотворении «Рыцарь на час»:

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,

Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, Божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.

Н. А. Зонтиков пишет: «Разумеется, родители с детьми часто посещали свой приходской храм в Абакумцево. По-видимому, в детстве Коля Некрасов был очень верующим» [Некрасов и Костромской край, 2008, с. 18]. Если староста Торчин свидетельствовал, что отец Некрасова «в церкви никогда не был» (что вряд ли абсолютно точно), то, скорее, следует говорить, что церковь дети чаще посещали с матерью.

29 июля 1841 года скончалась в возрасте 38 лет от чахотки мать Некрасова – Елена Андреевна. В это время была назначена свадьба сестры поэта, Елизаветы. Мать умерла, не дожив до свадьбы три дня. В это время Некрасов спешил домой из Петербурга:

У той плиты, где ты лежишь, родная,
Припомнил я, волнуясь и мечтая,
Что мог еще увидиться с тобой,
И опоздал!
(«Мать»).

Очевидно, Елена Андреевна приняла православие (скорее всего еще в год крещения поэта), так как ее могила находится у алтаря Благовещенской церкви в Абакумцево. «Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова» не упоминает об алтаре, но говорит более общо: 31 июля 1841 г. «в селе Абакумцево похоронена Е. А. Некрасова» [Летопись, 2006, с. 92]. На могиле в год смерти жены Алексей Сергеевич Некрасов поставил деревянный крест.

Я рад, что ты не под семейным сводом
Погребена – там душно, солнца нет;
Не будет там лежать и твой поэт...
(«Мать»).

Бывал Некрасов и в других храмах, расположенных неподалеку от Грешнева. Известно, что в ближайших окрестностях Грешнева, на расстоянии 10–15 верст, находилось более 20 храмов [Паршина, 1988, с. 81]. Документально подтверждено, что поэт посещал деревни Шоде и Вежи, села Мисково, Жарки, Саметь, Шунгу, Спас-Вёжи (Спас), Сущево, Куниково, Пустынь и др. [Смирнов, 1991, с. 212].

К сожалению, из своего детства Некрасов выносил и иные впечатления. Недалеко от Абакумцева находился еще один церковный приход – в селе Сопёлки. Очевидно Некрасов знал, что в Сопёлках с конца XVIII века существовала секта «бегунов» («странников»), которую создал некий старец Евфимий. С некоторой долей вероятности, впечатления от секты странников могли частично отразиться в его размышлениях о «странниках» в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Яркое о селе Сопелкино повествует славянофил И. С. Аксаков, участвовавший в комиссии по выявлению сопелковских «бегунов». Аксаков писал своим родным 14 сентября 1850 года: «... Сопелки – колыбель секты и притон сектаторов. Здесь нет ни одного православного, хотя все село по спискам полиции значится православным, и все жители на допросах показывают себя принадлежащими к великороссийской церкви. Но по исследованию оказывается, что ни одна душа никогда не была у Св. Причастия... В с. Сопелках есть церковь, в которую никто никогда не ходит. Но когда приезжает какой-либо чиновник, то десятский обходит жителей и говорит, чтоб шли в церковь. При нас церковь всегда полна, и вы не поверите, какое грустное впечатление производит вид этой толпы, лицемерно присутствующей и не умеющей молиться» [Аксаков, 1994, с. 169–170]. Автор справочника о сектах С. В. Булгаков посвятил «бегунам» отдельную статью: «„Странниками“ эти сектанты называются потому, что требуют от своих членов прервать всякую связь с гражданским обществом, то есть не писаться в ревизии, не платить государственных податей, не иметь паспортов и находиться в странствовании, на том основании, что в мире ныне спасение невозможно. Отсюда же они получили и название „бегунов“...» [Булгаков, 1994, с. 410].

Конечно, обо всем этом знали в окрестных деревнях, в том числе и в Грешневе. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» приводит вопиющие факты религиозного лицемерия из жизни раскольников. В главе «Странники и богомольцы» (возможно, в названии содержится понятное современникам сочетание «странных» и «оседлых» раскольников), описываются «художества» сопелкинских, а может быть, и иных «странников».

Осенью 1832 года Некрасов вместе с братом Андреем начал учебу в Ярославской гимназии. Похвастаться успехами он не мог. Известно, например, что в 1835 году на выпускных экзаменах в пятом классе он получил следующие отмет-

ки: закон Божий – 2, словесность – 3, логика – 2, математика – 1, история – 1, латынь – 3, география – 2, немецкий язык – 2, французский – 2 [Некрасов и Костромской край, 2008, с. 22]. При этом обладавший живым умом мальчик, с семилетнего возраста начавший писать стихи, начал, по его собственному признанию, «почитывать журналы» [Некрасов, 1949, с. 147]. Отметим, что в четвертом классе Некрасов получил по предмету «Закон Божий» 4 балла [Летопись, 2006, с. 21]. Это была его самая высокая оценка за период обучения.

Выводы

Религиозные впечатления раннего детства Некрасова, известные нам лишь в очень малой степени, оказали значительное влияние на его умонастроение в зрелом возрасте и впервые сказались уже в первом сборнике «Мечты и звуки». В стихотворении «Изгнанник» он писал:

Еще младенцу с колыбели
Мечты мне тихо песни пели,
И с ними свыклася душа
.....
И разлюбил я дольний мир.

Главным фактором его религиозного воспитания и, одновременно, формирования романтического мировоззрения, в его «страдательном» нравственном изводе, была, на наш взгляд мать Некрасова, позитивная роль которой часто упоминается биографами поэта, но не конкретизирована и не прояснена в своей главной, «иконописной» сущности – как образца христианского поведения, как «заступницы», чью роль Некрасов мог сравнить (и сравнивал!) только с участием Божьей матери в своей судьбе. Соединение религиозности и культурного романтического настроения (игра Елены Андреевны на пианино, чтение, духовный аристократизм, жертвенное сострадание к слабейшим себя), в их противопоставленности окружающей обстановке жестокости и насилия, в главных чертах предвещало основной пафос некрасовской поэзии, ее органичную и глубокую, хотя и не выявленную пока исследователями до конца, религиозность.

При всем том, что мать поэта, скончавшаяся очень рано, в 38 лет, представляется, по традиции, как фигура чисто страдательная, гибнущая во враждебной, грубой среде, нам кажется, что не учитывается христианская сила ее природы, ее скрытый и действенный (в рискованной помощи другим) протест, ее способность противостоять

окружающей среде, не сливаться с нею. И эта сторона ее натуры так же была воспринята Некрасовым, что впервые серьезно выразилось в попытке его поступления не в военное учебное учреждение, как того хотел его отец, но в университет, как того хотела его мать. Отсюда выростал протестный дух его проникнутой религиозной мыслью гражданской поэзии. Это не был чисто гражданский протест, сила поэзии Некрасова как раз и заключается в том, что в сердцевине этого протеста просвечивает Евангелие и высокий христианский идеал «святого служения» и покаяния. Нет сомнений, что высокий гражданский пафос поэзии Некрасова, получивший завершенность под влиянием революционно-демократического окружения поэта, складывался на уже подготовленной в детстве основе «святого», религиозно-романтического мировоззрения и восприятия жизни как служения слабым и обездоленным – в чем главную роль играла мать Некрасова.

Библиографический список

- Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856 / издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. Москва : Наука, 1994. С. 169–171.
- Булгаков С. В. Православие. Москва : Современник, 1994. С. 410.
- Гончаров И. А. Собр. соч. В 8-ми томах. Москва : Худ. лит., 1952–1955.
- Горячкина М. С. «Я верую в народ»: К 85-летию со дня смерти Н. А. Некрасова // Наука и религия. 1963. № 1. С. 87–89.
- Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 30 томах. Ленинград : Наука, 1972–1988.
- Жилякова Э. М. Христианские мотивы и образы в творчестве Н. А. Некрасова (1830-1850-е гг.) // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. научн. тр. Вып. 2. Петрозаводск : Петрозаводский гос. ун-т, 1998. С. 268–282.
- Карабиха. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1991. С. 204.
- Кириченко О. В. Русское дворянство и интеллигенция: противостояние двух социальных сил в XVIII – начале XIX в. // Традиции и современность. Москва, 2003. № 2. С. 23.
- Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России XIX века. Москва, 1978. С. 248.
- Красильников Г. В. Грешневские дворовые и крестьяне Некрасовых по материалам ревизских сказок и метрических книг церкви села Абакумцева // Н. А. Некрасов в контексте русской культуры: материалы конференции. Ярославль : Изд-во АР, 2006. С. 74–81.
- Красильников Г. В. Староста Некрасовых Э. М. Торчин и его воспоминания // Некрасовское наследие – юношеству. Материалы V и VI Некрасовских юношеских чтений. Вып. II. Ярославль : Рико-Пресс, 2009. С. 14.
- Крживоблоцкий Я. Материалы для географии и статистики России. Костромская губерния. Материалы, собранные офицерами генерального штаба. Санкт-Петербург : Тип. Н. Тиблена и К., 1861. 636 с.
- Кусков В. В. Православные мотивы в поэзии Н. А. Некрасова // Русская литература XIX века и христианство. Москва : Изд-во МГУ, 1997. С. 134–140.
- Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова Т. 1. Санкт-Петербург : Наука, 2006. С. 92.
- Мельник В. И. «Кому на Руси жить хорошо»: проблема христианского сознания в поэме // Некрасовский сборник. Т. XIII. Санкт-Петербург : Наука, 2001. С. 126–134.
- Мельник В. И. Поэзия Н. А. Некрасова в свете христианского идеала. Москва : Изд-во «Дарь», 2007. 110 с.
- Мережковский Д. С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. Москва : Советский писатель, 1991. С. 441.
- Мостовская Н. Н. Храм в творчестве Некрасова // Русская литература. 1995. № 1. С. 194–202.
- [Некрасов Н. А.] Автобиографические наброски, воспоминания и заметки Некрасова // Литературное наследство. Т. 49–50. Т. I. Изд. 2-е. Москва : Изд-во АН СССР, 1949. 660 с.
- Некрасов и Костромской край / составление и редактирование Н. А. Зонтикова. Кострома : Изд-во ДиАр, 2008. С. 19.
- Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. В 15 т. Ленинград : Наука, 1981–2000.
- Паршина В. К употреблению слов «церковь», «храм» в поэтических текстах Н. А. Некрасова // III Некрасовские чтения (Тезисы выступлений). Ярославль, 1988. С. 81.
- Покровский Г. А. Поэт Некрасов и религия. Москва : Атеист [1929]. 56 с.
- Пруцков Н. И. Русская литература XIX века и революционная Россия. Москва, 1979. 268 с.
- Николай Скатов. Некрасов. Москва : Молодая гвардия, 1994. 412 с.
- Смирнов С. В. Об окрестностях Грешнева: (Дорога и храм в творчестве Н. А. Некрасова) // Карабиха: Ист.-лит. сб. Вып. 1. Ярославль : Верхне-Волжское кн. изд-во, 1991. С. 203–216.
- Шамориков И. В. Антирелигиозные мотивы в поэзии Н. А. Некрасова // Русская литература в борьбе с религией. Москва : Изд-во АН СССР, 1963. С. 124–136.
- Шафаревич И. Р. Социализм как явление мировой истории. Москва : Эксмо, 2003. 448 с.
- Ширяев Б. Н. Религиозные мотивы в русской поэзии: Ломоносов – Пастернак. Брюссель : Жизнь с Богом, без даты. С. 22–33.

Reference list

- Aksakov I. S. Pis'ma k rodnym. 1849–1856 = Letters to family. 1849-1856 / izdanie podgotovila T. F. Pirozhkova. Moskva : Nauka, 1994. S. 169–171.

2. Bulgakov S. V. Pravoslavie = Russian Orthodoxy. Moskva : Sovremennik, 1994. S. 410.
3. Goncharov I. A. Sobr. soch. V 8-mi tomah = Collection of works. In 8 volumes. Moskva : Hud. lit., 1952–1955.
4. Gorjachkina M. S. «Ja veruju v narod»: K 85-letiju so dnja smerti N. A. Nekrasova = «I believe in people»: On the 85th anniversary of N. A. Nekrasov's death // Nauka i religija. 1963. № 1. S. 87–89.
5. Dostoevskij F. M. Sobranie sochinenij: V 30 tomah = Collection of works: In 30 volumes. Leningrad : Nauka, 1972–1988.
6. Zhiljakova Je. M. Hristianskie motivy i obrazy v tvorcestve N. A. Nekrasova (1830–1850-e gg.) = Christian motifs and images in N. A. Nekrasov's works (1830–1850s) // Evangel'skij tekst v russoj literature XVIII – XX vekov. Citata, reminiscencija, motiv, sjuzhet, zhanr: Sb. nauchn. tr. Vyp. 2. Petrozavodsk : Petrozavodskij gos. un-t, 1998. S. 268–282.
7. Karabiha = Karabikha. Jaroslavl' : Verhne-Volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. S. 204.
8. Kirichenko O. V. Russkoe dvorjanstvo i intelligencija: protivostojanie dvuh social'nyh sil v HVIII – nachale HIIH v. = Russian nobility and intelligentsia: confrontation of the two social forces in the XVIIIth – early XIXth centuries // Tradicii i sovremennost'. Moskva, 2003. № 2. S. 23.
9. Klibanov A. I. Narodnaja social'naja utopija v Rossii HIIH veka = Popular social utopia in the 19th century Russia. Moskva, 1978. S. 248.
10. Krasil'nikov G. V. Greshnevskie dvorovyje i krest'jane Nekrasovyh po materialam revizskih skazok i metricheskikh knig cerkvi sela Abakumceva = The Nekrasovs' servants and peasants in Greshnevo according to register and metric books of the Abakumtsevo village church // N. A. Nekrasov v kontekste russoj kul'tury: materialy konferencii. Jaroslavl' : Izd-vo AR, 2006. S. 74–81.
11. Krasil'nikov G. V. Starosta Nekrasovyh Je. M. Torchin i ego vospominanija = The Nekrasovs' headman E. M. Torchin and his memoirs // Nekrasovskoe nasledie – junoshestvu. Materialy V i VI Nekrasovskih junosheskikh chtenij. Vyp. II. Jaroslavl' : Riko-Press, 2009. S. 14.
12. Krzhivoblockij Ja. S. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii. Kostromskaja gubernija. Materialy, sobrannye oficerami general'nogo shtaba = Materials for the geography and statistics of Russia. Kostroma Province. Materials collected by officers of the general headquarters. Sankt-Peterburg : Tip. N. Tiblena i K., 1861. 636 s.
13. Kuskov V. V. Pravoslavnye motivy v poezii N. A. Nekrasova = Orthodox motives in N.A. Nekrasov's poetry // Russkaja literatura XIX veka i hristianstvo. Moskva : Izd-vo MGU, 1997. S. 134–140.
14. Letopis' zhizni i tvorcestva N. A. Nekrasova T. 1 = The chronicles of the life and work of N. A. Nekrasov, Vol. 1. Sankt-Peterburg : Nauka, 2006. S. 92.
15. Mel'nik V. I. «Komu na Rusi zhit' horosho»: problema hristianskogo soznaniya v pojeme = «Who is Happy in Russia?»: the problem of Christian thought in the poem // Nekrasovskij sbornik. T. HIII. Sankt-Peterburg : Nauka, 2001. S. 126–134.
16. Mel'nik V. I. Pojezija N. A. Nekrasova v svete hristianskogo ideala = N. A. Nekrasov's poetry in the light of the Christian ideal. Moskva : Izd-vo «Dar#», 2007. 110 s.
17. Merezhkovskij D. S. V tihom omute. Stat'i i issledovanija raznyh let = Still waters. Articles and researches of different years. Moskva : Sovetskij pisatel', 1991. S. 441.
18. Mostovskaja N. N. Hram v tvorcestve Nekrasova = The Church in Nekrasov's work // Russkaja literatura. 1995. № 1. S. 194–202.
19. [Nekrasov N. A.] Avtobiograficheskie nabroski, vospominanija i zametki Nekrasova = Autobiographical sketches, memoirs, and notes by Nekrasov // Literaturnoe nasledstvo. T. 49–50. T. I. Izd. 2-e. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1949. 660 s.
20. Nekrasov i Kostromskoj kraj = Nekrasov and the Kostroma region / sostavlenie i redaktirovanie N. A. Zontikova. Kostroma : Izd-vo DiAr, 2008. S. 19.
21. Nekrasov N. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem. V 15 t. = The complete collection of works and letters. In 15 vols. Leningrad : Nauka, 1981–2000.
22. Parshina V. K upotrebleniju slov «cerkov'», «hram» v pojeticheskikh tekstah N. A. Nekrasova = On the use of the words «church» and «temple» in N. A. Nekrasov's poetry. // III Nekrasovskie chtenija (Tezisy vystupenij). Jaroslavl', 1988. S. 81.
23. Pokrovskij G. A. Pojet Nekrasov i religija = The poet Nekrasov and religion. Moskva : Ateist [1929]. 56 s.
24. Pruckov N. I. Russkaja literatura HIIH veka i revoljucionnaja Rossija = Russian literature in XIX century and revolutionary Russia. Moskva, 1979. 268 s.
25. Nikolaj Skatov. Nekrasov = Nekrasov. Moskva : Molodaja gvardija, 1994. 412 s.
26. Smirnov S. V. Ob okrestnostjah Greshneva: (Doroga i hram v tvorcestve N. A. Nekrasova) = On the neighborhood of Greshnevo: (The road and the church in N.A. Nekrasov's work) // Karabiha: Ist.-lit. sb. Vyp. 1. Jaroslavl' : Verhne-Volzhscoe kn. izd-vo, 1991. S. 203–216.
27. Shamorikov I. V. Antireligioznye motivy v poezii N. A. Nekrasova = Anti-religious motifs in the poetry of N. A. Nekrasov // Russkaja literatura v bor'be s religiej. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1963. S. 124–136.
28. Shafarevich I. R. Socializm kak javlenie mirovoj istorii = Socialism as a world history phenomenon. Moskva : Jeksmo, 2003. 448 s.
29. Shirjaev B. N. Religioznye motivy v russoj poezii: Lomonosov – Pasternak = Religious motifs in Russian poetry: Lomonosov – Pasternak. Brjussel' : Zhizn' s Bogom, bez daty. S. 22–33.